

С.К. Цатурова

ПОВСЕДНЕВНОСТЬ ВЛАСТИ:
ГРУППОВЫЕ СТРАТЕГИИ И ЛИЧНЫЕ АМБИЦИИ
СЛУЖИТЕЛЕЙ КОРОНЫ ФРАНЦИИ В XIII–XV ВЕКАХ

УДК 94(44): “13-14”

Автор показывает широкие перспективы изучения повседневности в сфере функционирования средневековых властных институтов (законотворчество, бюрократические практики, рутина государственной “машины”) и в социальном облике служителей короны Франции (трактаты, завещания, эпитафии).

Ключевые слова: Франция в XIII–XV вв., государственные институты, социальная история, чиновничество, политическая культура, мемориальные практики.

Key words: France in the Middle Ages, state bodies, social history, royal officers, political culture, memorial practice.

Возвращение истории повседневности в поле научных исследований современных российских историков представляется мне знаковым явлением. Историки существенно обогатили свой инструментарий и по-новому готовы взглянуть на эту, казалось бы, несколько обветшавшую тему. При этом, по моему убеждению, история повседневности сегодня неотделима от социального контекста. Вопреки интенциям тех, кто продвигал эту тематику как противоядие от социологизирующей истории или как стратегию отхода от изучения больших структур, обращение к повседневности именно в контексте социальной истории способно дать самые неожиданные и наиболее ценные результаты. На смену истории повседневной жизни “людей такой-то эпохи вообще” (например, при Людовике Святом или в Столетнюю войну) приходят исследования повседневности различных социальных групп. Это достаточно заметно даже на примере серии книг “Повседневная жизнь” (в издательстве “Молодая гвардия”): большинство их посвящено именно отдельным социальным группам, будь то мушкетеры, импрессионисты или русская интеллигенция. И это правильно, поскольку в одно и то же время, например, в эпоху Столетней войны, разные люди жили по-разному будь то советник Парламента или скромный ремесленник в Париже, который, как писала его жена в прошении о помиловании (об отмене конфискации имущества), повесился, не вынеся обрушившихся на него несчастий, вызванных, в том числе, и войной¹.

Будучи специалистом по политической истории Франции позднего Средневековья, беру на себя смелость поделиться своим видением темы повседневности на примере изучения истории властных институтов и социальной группы служителей короны. По мере погружения в проблематику функционирования королевской власти на этапе формирования централизованного государства мне становилась более понятной роль чиновников, их групповых стратегий и личных амбиций, в работе “бюрократической машины” и в облике власти короля Франции. Причем именно повседневность отправления власти раскрыла мне многие из этих механизмов.

Едва ли не самым неожиданным аспектом повседневной рутины власти оказалось королевское законодательство. Традиционно законодательный акт воспринимается как “поворот” в плавном течении жизни. На деле же королевские указы в большинстве своем были отражением повседневной жизни общества и его отдельных групп. За редким исключением (например, ордонанс Людовика IX Святого от декабря 1254 г., изданный по личной инициативе короля для исправления нравов в администрации ради успеха Крестового похода, или ордонанс 23 марта 1302 г. Филиппа IV Красивого о “реформировании королевства”) основной массив королевских указов был реакцией власти на конкретную ситуацию либо ответом на запрос или жалобу. Об этой реакции прямо говорится в преамбулах ордонансов: “наших ушей достигли стенания народа”, а далее подробно описываются причины жалоб, например, все виды притеснений чиновников на местах (в указах о направлении в ту или иную область ревизоров-реформаторов).

О повседневности функционирования государственной “машины” красноречиво свидетельствуют указы о разрешении всевозможных конфликтов внутри поля власти. Например, продвижение чиновника по службе внутри ведомств зависело от стажа работы, который отсчитывался от даты вступления в должность и принесения клятвы. А в таком большом по численности учреждении, как Парламент, этот стаж зримо выражался и в иерархии занимаемых советниками мест в зале суда. Нарушения строго отслеживались и наказывались. Но вот в плавном течении жизни произошла катастрофа: в 1418 г. Париж переходит под власть англо-бургиньонов, дофин Карл и “арманьяки” создают параллельные королевские институты в Бурже и Пуатье (так называемая королевская схизма 1418–1436 гг.). Учреждение Парламента в Бурже внесло сумятицу в иерархию стажей работы судебных приставов: на службу набрали новичков, но по большей части включили тех, кто последовал за дофином Карлом из Парижа.

Вот они-то во главе с Аломом Кашмаре и обратились с просьбой засчитать в их новый стаж прежнее время службы в Париже, что поставило бы их в иерархии выше новичков. И такой указ был издан, где сам дофин Карл установил новую иерархию сроков службы судебных приставов². Он же позднее вынужден был внести порядок в созданный им самим хаос. Щедро раздавая должности в королевской администрации как награду за содействие в освобождении Нормандии, он в итоге уже сам не помнил, кому какую должность даровал, так что пришлось издать специальный указ, закрепивший права на должности у тех, кто получил их первыми. Наконец, издание в 1454 г. большого ордонанса о реформе правосудия сопровождалось полным переутверждением состава Парламента. В этой связи Карл VII самолично установил иерархию служащих верховного суда, поскольку все назначения были сделаны им в один и тот же день³.

Самые частые конфликты возникали на почве разграничения компетенции ведомств, поскольку все они вышли из Королевской курии, обладавшей полнотой публичных прерогатив. Яркий пример – постоянные конфликты между Парламентом и Палатой счетов. Парламент как верховная судебная палата позиционировался как “эманация короны, представляющая без посредников персону короля”, и любой подданный имел право обратиться сюда в поисках “справедливости”. Но Палата счетов также считалась суверенной курией, поскольку оберегала основу власти короля – королевский домен – и хранила его секреты, а ее служители клялись при вступлении в должность никому не раскрывать состояние счетов и не выносить регистры за пределы помещений ведомства. В этой связи апелляция к Парламенту на решение Палаты счетов, как и требование представить в суд соответствующие книги счетов считались служителями верховного финансового ведомства нарушением “интересов короля”. Изданные по ходу такого рода конфликтов (самые крупные произошли в 1402 и в 1460–1461 гг.) указы не только описывают ход этих бесконечных споров, но и содержат ценные сведения о групповых стратегиях и ценностных установках служащих обоих ведомств⁴.

Особый интерес в плане повседневности власти представляет переписка королей с ведомствами королевской администрации. Так, опубликованные 10 томов писем Людовика XI – это кладезь сведений о повседневной рутине власти и групповых стратегиях служащих короны. Львиная доля этих писем отражает возмущение короля по поводу очередного возражения ведомств утвердить его указ. И надо сказать, что вопреки грозным окрикам короля (“я

удивлен”, “не понимаю, почему вы отказываетесь”, “исполните, а не то я выкажу свою волю иначе” и т.п.) чиновникам удавалось отстоять свою позицию. В подобных конфликтах с королем ярко проявлялись групповые ценности этой “касты”, прежде всего защита права на возражение (ремонстрацию) по поводу указов, расходящихся с представлениями чиновников об “общем благе”. О том, насколько ремонстрации были повседневной практикой Парламента, наглядно свидетельствует отдельный увесистый том в указателе, составленном в XVII в. парламентарием Жаном Лененом к регистрам верховного суда: там скрупулезно помечены все случаи подачи парламентариями возражений на указы короля, и легко убедиться, насколько это была рутинная практика⁵.

О значении этой практики в парламентской этике службы красноречиво свидетельствуют и яркие казусы, например, случай Жана Вакери. Его назначение королем в 1482 г. в нарушение сложившихся правил карьерного роста – сразу же на должность первого президента Парламента с места четвертого – вызвало тогда неудовольствие парламентариев, и они несколько месяцев отказывались утвердить это назначение. Кажется естественным, что Вакери, как минимум, затаит обиду либо будет потакать скорее королю, чем следовать линии поведения Парламента при возникающих конфликтах. Ничего подобного, наоборот, он вел себя как образцовый парламентарий. В исторической памяти чиновной корпорации сохранился такой эпизод. Отказавшись утвердить очередной указ короля, Парламент отправил депутацию к королю Людовику XI, и во главе ее стоял Жан Вакери. Депутация облачилась в парадные одеяния (алые мантии), предназначенные для особо торжественных случаев. На недоуменный вопрос короля, чем вызвана столь помпезная демонстрация, Вакери ответил, что они явились, дабы сложить с себя полномочия и готовы понести любое наказание, которое король им присудит, но не хотят запятнать свою совесть, регистрируя присланный им указ. Эти слова якобы так впечатлили короля, что он свой указ отозвал⁶.

Протоколы Парламента содержат массу ценнейших сведений о повседневной рутине отправления власти и о нравах чиновников. Здесь можно узнать подробности и о манкировании парламентариями своими должностными обязанностями ради интересов частных клиентов, и о попойках с посторонними лицами или с представителями тяжущихся сторон, и о различных склоках за должности, за комиссии по расследованию дел или за дополнительные вознаграждения. Не меньшую ценность представляют и

комментарии секретарей суда, которые раскрывают и групповые ценности, и их личные взгляды.

Одной из характерных черт “парламентского габитуса” было служебное рвение. Ярким примером тому служит эпизод из биографии самого знаменитого гражданского секретаря Парламента. Николай де Бай стал секретарем по гражданским делам и главой архива верховного суда (“хранилища памяти государства”) 19 ноября 1400 г., получив большинство голосов на выборах. Однако эта ключевая должность, по сути, оказалась без жалованья. Дело в том, что по смерти прежнего секретаря Жана Виллекена освободившееся жалованье и причитающиеся по должности мантии (или их денежный эквивалент) король (“вопреки разуму по ошибке, незнанию и назойливости просителей”, как сказано в указе) отдал другому лицу. Видимо, поэтому никто не соглашался идти на столь трудоемкую работу без гарантии вознаграждения, ведь секретарь Парламента содержал за свой счет штат клерков, ведущих документацию; и это место “долгое время пустовало”. Никола де Баю была назначена “экстраординарная” оплата в ожидании первой же вакансии среди нотариусов-секретарей⁷. Вакансия появилась только полгода спустя, 24 июня 1401 г., когда умер Жан Берто, и его ординарное жалованье было закреплено за Никола де Баем. Приход на службу в Парламент в такой ситуации выдает особое служебное рвение последнего, которое он докажет и последующей работой (чего стоят одни только его записи во время холодной зимы 1408 г., когда даже чернила замерзали!).

Задумываясь о групповых ценностях служителей короны Франции, их идеях и ориентирах, стоит иными глазами посмотреть и на королевское законодательство. Достаточно задаться простым вопросом: а кто собственно писал указы королей? Разумеется, они издавались именем короля, но далеко не всегда даже по его личному поручению⁸. И главное: тексты указов составлялись в Канцелярии самыми образованными и нацеленными на пропаганду идеи “абсолютной власти” короля Франции служителями, среди которых не случайно мы находим представителей раннего гуманизма. Эти указы стоит изучать с точки зрения бытования политических идей, преобразования их в новый язык власти. Особенно интересна в этом контексте перекличка указов и политических трактатов. Дело не только в том, что и те, и другие писались в одной среде. Важно, что в этом узком кругу читали друг друга, вели друг с другом диалог. Такой аспект изучения политической мысли, как исследование бытования трактатов, круга

их заказчиков, их аудитории, реакции на них и т.д., мне представляется наиболее продуктивным и актуальным.

В этом же контексте весьма информативны завещания чиновников. Они дают уникальную возможность заглянуть в дома чиновников и обнаружить, какую большую роль играли в этой среде книги. Ценность представляет не только возможность изучать круг чтения чиновников и историю бытования книг через состав библиотек. Куда важнее оказывается социальная функция книги в этой среде: книги дарятся в мемориальных целях (ради сохранения памяти о дарителе или ведомстве), ради воспроизводства среды – университетам и коллегиям, учащимся родственникам, знакомым и просто бедным студентам. Ясно прослеживается и прагматический аспект в восприятии книг: юридические труды завещаются юристам (людям или институциям), книги духовного содержания – монастырям и т.д. Поражает и циркуляция книг внутри чиновной среды: книги могли оказаться в руках завещателей по исполнению приговора, стать предметом залога, средством оплаты услуг; их могли взять почитать, да так и не вернуть. Сами книги многое говорят о быте чиновников. Так, в завещании Адама де Бодрибоса, президента Следственной палаты Парламента, книги распределяются не по названию, а по месту их нахождения. И выясняется, что книги в этом доме почти повсюду. Распорядившись вернуть брату взятые у того книги, он описал их как те, что находятся “на скамейке в прихожей напротив комнаты, в кабинете и в спальне”⁹.

Завещания чиновников отчетливо свидетельствуют о внутренней консолидации этой социальной страты. Очень красноречивы в этом плане фигуры душеприказчиков. Они доказывают, что корпоративное братство являлось реальностью, а не пустым предписанием уставов братств ведомств. Душеприказчики почти всегда выбирались из числа коллег или из близких по характеру работы ведомств: у парламентариев – это, наряду с коллегами, служители Канцелярии, у мэтров Палаты счетов – коллеги и парламентарии, у прокуроров и судебных приставов Парламента – чиновники Шатле. А ведь роль душеприказчиков была очень важна, они многое решали сами, нередко даже форму похорон и надгробия.

В этих пунктах завещаний находит воплощение и повседневность “чиновного габитуса”. Кто-то настаивает на похоронах “не как у рыцарей”, хотя пишет это рыцарь, многие демонстрируют смирение, прося похоронить их “без помпы”, во рву для бедняков на кладбище Невинноубиенных. Но встречаются и статусные похороны, “почтенные”, “по рангу” и т.п. Иные подробно описывают, что именно должно быть на их могиле: кто-то хочет быть

изображенным “каким он был в жизни”, чиновник-клирик предпочитает предстать в священническом одеянии, а кто-то, напротив, в мантии советника Парламента¹⁰.

В целом, мне представляется, что изучение именно повседневности власти (рутины функционирования “государственной машины”) и ее служителей (образ жизни и ценностные ориентиры) способно открыть новые вдохновляющие горизонты в домене политической истории Средневековья.

¹ В этом письме от сентября 1418 г. подробно описывались трудные обстоятельства жизни парижского мясника Перрена Ле Васье: двое детей умерли на его глазах, жена давно болеет, сам он также недавно “очень серьезно заболел”, да вдобавок “потерял большую часть своего имущества по причине войны” (Choix de pièces inédites relatives au règne de Charles VI / Éd. L. Douet-d’Arcq: 2 vols. Paris, 1863–1864. Vol. 2. P. 176).

² Ordonnances des rois de France de la troisième race, recueillies par ordre chronologique / Éd. E.J. de Laurière, D.-Fr. Secousse et al. 22 vols. Paris, 1723–1849. T. XIII. P. 26–27.

³ Как особо отмечено в указе, это было сделано “незвизрая на манеру и обычай нашей курии” (Ibid. T. XIV. P. 278).

⁴ В значительной степени перекрешивание компетенций было намеренной “игрой короля”. См. подробнее: *Цатурова С.К.* Формирование института государственной службы во Франции XIII–XV веков. М., 2012. С. 167–170

⁵ Archives Nationales de France. Série U (далее – AN U) Collection Jean Le Nain. Tables méthodique des matières. U 516. Remonstrances du Parlement de Paris au Roi.

⁶ О коллизии с назначением Жана Вакери первым президентом Парламента см.: *Lettres de Louis XI, Roi de France / Éd. E. Charavey et J. Vaesen.* 11 vols. Paris, 1890–1909. T. 9. P. 170–171, 178–179. Казус с демаршем Парламента попал в обширный трактат о службе канцлера Франции. См.: *Bibliothèque Nationale de France. Collection Clairambault.* 43 (823). *Mémoire historique et diplomatique, avec pièces, annexes, concernant l’origine et les fonctions du grand Chancelier de France,* f 31.

⁷ AN U Collection Jean Le Nain. Extraits des registres du Parlement de Paris. U 2018. Conseil. Novembre 1400 – octobre 1414, f. 18–20.

⁸ Сопоставив итинерарий короля Филиппа Красивого с датами издания его важнейших указов, Р.-А. Ботье пришел к поразительному выводу: значительная их часть написана в отсутствие “железного короля” его ближайшими советниками (*Bautier R.-H.* *Diplomatique et histoire politique: ce que la critique diplomatique nous apprend sur la personnalité de Philippe le Bel // Revue historique.* 1978. N 525. P. 3–27).

⁹ Testaments enregistrés au Parlement de Paris sous le règne de Charler VI / Testes publiés par A. Tuetey // *Mélanges historiques. Choix de documents.* P., 1880. T. 3. P. 592.

¹⁰ Эти и другие пункты завещаний служителей короны Франции, наряду с иными данными, довольно убедительно раскрывают процесс формирования “государственной знати”. См. подробнее: *Цатурова С.К.* Указ. соч. С. 482–511.

СОДЕРЖАНИЕ

К 90-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ А.Я. ГУРЕВИЧА

М.Л. Андреев

ГУРЕВИЧ VERSUS БАТКИН: СПОР ДВУХ ЭПИСТЕМОЛОГИЙ?..... 5-11

Л.М. Баткин

ЗАМЕТКА О ДИАЛОГИЧЕСКОМ ПОДХОДЕ К КУЛЬТУРНЫМ
ТЕКСТАМ 12-17

М.Ю. Парамонова

...*AUT DESIDERATA MORTE MORIAMUR*: МИССИЯ КАК ДОЛГ И КАК
ЛИЧНЫЙ ВЫБОР 18-65

IMITATIO CHRISTI В РЕЛИГИОЗНОЙ КУЛЬТУРЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ И РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ

Ю.Е. Арнаутова, А.Б. Герштейн

ВВЕДЕНИЕ 66-74

Д.Б. Кейнс

IMITATIO CHRISTI И ЖАНРОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЕВАНГЕЛИЙ 75-98

Ю.Е. Арнаутова

IMITATIO CHRISTI: ТЕОЛОГЕМА И ЛИТЕРАТУРНАЯ МОДЕЛЬ В
БЕНЕДИКТИНСКОЙ АГИОГРАФИИ..... 99-139

М.Р. Ненарокова

МОЛИТВА КАК ОДИН ИЗ СПОСОБОВ *IMITATIO CHRISTI* ДЛЯ ЧАСТ-
НОГО ЛИЦА (ПРИМЕР МЕХТИЛЬДЫ ХАКЕБОРНСКОЙ) 140-161

Мехтильда Хакеборнская

КНИГА ОСОБОЙ БЛАГОДАТИ (*пер. с лат. М.Р. Ненароковой*)..... 162-181

М.Г. Логутова

“ПОДРАЖАНИЕ ХРИСТУ” ФОМЫ КЕМПИЙСКОГО 182-224

А.Е. Махов

ДЬЯВОЛ – ИМИТАТОР ИЛИ АЕМУЛЯТОР БОГА?..... 225-238

О.И. Тогоева

ПРОРОК, МУЧЕНИЦА ИЛИ ТРИУМФАТОР? *IMITATIO CHRISTI*
В ИСТОРИИ ЖАННЫ Д’АРК (XV–XVII ВВ.)..... 239-257

Х. Крайсель

IMITATIO DEI В “ПУТЕВОДИТЕЛЕ РАСТЕРЯННЫХ” МАЙМОНИДА 258-309

**МАТЕРИАЛЫ КРУГЛОГО СТОЛА
“ВОЗМОЖНО ЛИ ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ
ПОВСЕДНЕВНОСТИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ?”**

<i>О.Е. Кошелева</i>	
ВВЕДЕНИЕ	310-314
<i>Ю.Е. Арнаутова</i>	
ИСТОРИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ СЕГОДНЯ: ВЫЗОВЫ И ШАНСЫ.....	315-336
<i>П.Ш. Габдрахманов</i>	
ОБЫЧАИ ИМЯНАРЕЧЕНИЯ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ ФЛАНДРИИ (ПО РОДОСЛОВНЫМ СПИСКАМ АЛТАРНЫХ ТРИБУТАРИЕВ).....	337-345
<i>Ю.П. Крылова</i>	
“УЮТ ПОВСЕДНЕВНОГО СУЩЕСТВОВАНИЯ”, ИЛИ ОБ ОТНОШЕ- НИИ К РЕЛИГИОЗНЫМ ПРАКТИКАМ ВО ФРАНЦИИ XIV в.	346-354
<i>О.И. Тогоева</i>	
ИСТОРИЯ ПРАВА И ИСТОРИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ: ТОЧКИ ПЕРЕ- СЕЧЕНИЯ.....	355-365
<i>С.К. Цатурова</i>	
ПОВСЕДНЕВНОСТЬ ВЛАСТИ: ГРУППОВЫЕ СТРАТЕГИИ И ЛИЧНЫЕ АМБИЦИИ СЛУЖИТЕЛЕЙ КОРОНЫ ФРАНЦИИ В XIII–XV вв.	366-372

**ВЕНЕЦИЯ:
ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ ИСТОРИИ**

<i>П. Ланаро</i>	
ИНОЗЕМЦЫ В ГОРОДЕ ИНОЗЕМЦЕВ: ВЕНЕЦИЯ, XIV–XVIII вв.	373-386
<i>Н. Жечевич</i>	
<i>SERENISSIMA</i> МЕЖДУ ВЛАСТЬЮ И КОРРУПЦИЕЙ: СТРАТЕГИИ ПОВЕДЕНИЯ ВНЕЦИАНСКИХ ЧИНОВНИКОВ.....	387-401

ОБРАЗ “ДРУГОГО”

<i>М.Ю. Андрейчева</i>	
МУСУЛЬМАНЕ, КАТОЛИКИ И ИУДЕИ В ЛЕТОПИСНОМ РАССКАЗЕ О ВЫБОРЕ ВЕРЫ КНЯЗЕМ ВЛАДИМИРОМ: ОБРАЗЫ И СМЫСЛЫ.....	402-440

РЕЦЕНЗИИ И ОБЗОРЫ

<i>М.Ю. Реутин</i>	
СРЕДНЕВЕКОВАЯ МИСТИКА В ГЕРМАНИИ И НИДЕРЛАНДАХ.....	
<i>Peter Dinzelsbacher. DEUTSCHE UND NIEDERLÄNDISCHE MYSTIK DES MITTELALTERS: EIN STUDIENBUCH. BERLIN; BOSTON: W. de GRUYTER, 2012. 424S.</i>	441-454

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

К 70-ЛЕТИЮ ДМИТРИЯ ЭДУАРДОВИЧА ХАРИТОНОВИЧА	455-456
---	---------

IN MEMORIAM

НЕСКОЛЬКО ПЕЧАЛЬНЫХ СООБРАЖЕНИЙ ПО СЛУЧАЮ КОНЧИНЫ БОРИСА ДУБИНИНА (31.12.1946–20.08.2014).....	457-459
О БОРИСЕ И БОРХЕСЕ	459-462
SUMMARIES.....	463-470
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	471

CONTENTS

COMMEMORATING THE 90th ANNIVERSARY OF ARON YA. GUREVITCH

Mikhail L. Andreev

GUREVITCH VERSUS BATKIN: THE CONTROVERSY OF TWO
EPISTEMOLOGIES?

Leonid M. Batkin

A NOTE ON THE DIALOGIC APPROACH TO CULTURAL TEXTS

Marina Yu. Paramonova

...*AUT DESIDERATA MORTE MORIAMUR*: MISSION AS A DUTY AND AS
AN INDIVIDUAL CHOICE

IMITATIO CHRISTI IN THE MEDIEVAL AND EARLY MODERN RELIGIOUS CULTURE

Yulia E. Arnautova, Anna B. Gerstein

INTRODUCTION

David B. Capes

IMITATIO CHRISTI AND THE GOSPEL GENRE

Yulia E. Arnautova

IMITATIO CHRISTI: A THEOLOGICAL CONCEPT AND A LITERARY
MODEL IN THE BENEDICTINE HAGIOGRAPHY

Maria R. Nenarokova

PRAYER AS A WAY OF *IMITATIO CHRISTI* FOR AN INDIVIDUAL (THE
CASE OF MECHTILDE OF HACKEBORN)

THE BOOK OF SPECIAL GRACE OF ST. MECHTILDE OF HACKEBORN
(*Transl. from Latin by Maria R. Nenarokova*)

Margarita G. Logutova

THE BOOK *DE IMITATIONE CHRISTI* BY THOMAS A KEMPIS

Alexander E. Makhov

IS THE DEVIL AN *IMITATOR* OR AN *AEMULATOR* OF GOD?

Olga I. Togoëva

PROPHET, MARTYR OR TRIUMPHATRIX? *IMITATIO CHRISTI* IN THE
HISTORY OF JOAN OF ARC (15th–17th CENTURIES)

Howard Kreisel

IMITATIO DEI IN *MAIMONIDES' GUIDE OF THE PERPLEXED*

**MATERIALS OF THE ROUND TABLE
‘CAN THE HISTORY OF MEDIEVAL EVERYDAY LIFE
BE STUDIED?’**

Olga E. Kosheleva

INTRODUCTION

Yulia E. Arnautova

THE HISTORY OF EVERYDAY LIFE TODAY: CHALLENGES AND OPPORTUNITIES

Pavel Sh. Gabdrakhmanov

PRACTICES OF NAME GIVING IN FLANDERS ACCORDING TO GENEALOGIES OF *TRIBUTARII* (12th–13th CENTURIES).....

Yulia P. Krylova

“THE COMFORT OF EVERYDAY EXISTENCE”, OR ON RELIGIOUS PRACTICES IN THE 14th CENTURY FRANCE.....

Olga I. Togoeva

THE HISTORY OF LAW AND THE HISTORY OF EVERYDAY LIFE: INTERSECTIONS.....

Susanna C. Tsaturova

THE EVERYDAY ROUTINE OF STATE BODIES: FRENCH ROYAL OFFICERS’ GROUP STRATEGIES AND INDIVIDUAL CLAIMS IN 13th–15th CENTURIES.....

VENICE: PROBLEMS OF SOCIAL HISTORY

Paola Lanaro

STRANGERS IN THE CITY OF STRANGERS: THE VENICE OF 14th–18th CENTURIES

Nada Zečević

SERENISSIMA BETWEEN POWER AND CORRUPTION: STRATEGIES OF VENETIAN OFFICIALS’ BEHAVIOUR.....

IMAGE OF THE ‘OTHER’

Marianna Y. Andreycheva

MUSLIMS, CATHOLICS AND JEWS IN THE STORY OF CHOOSING THE FAITH BY PRINCE VLADIMIR IN THE *PRIMARY CHRONICLE*: IMAGES AND MEANINGS

REVIEWS

Mikhail Y. Reutin

THE MEDIEVAL MYSTICISM IN GERMANY AND IN THE NETHERLANDS.....

Peter Dinzelbacher. Deutsche und niederländische Mystik des Mittelalters. Ein Studienbuch. Berlin; Boston: W. de Gruyter, 2012. 424 S.

ANNIVERSARIES

THE 70th ANNIVERSARY OF DMITRIY EDUARDOVICH KHARITONOVICH

IN MEMORIAM

A FEW SAD CONSIDERATIONS OF BORIS DUBIN'S DECEASE (31.12.1946–20.08.2014).....

ABOUT BORIS AND BORES.....

SUMMARIES.....

ABOUT THE AUTHORS.....